

Ольга
Михайлова

Мистика для интеллектуалов

ГИБЕЛЬНЫЕ БОГИ

Ольга Михайлова
Гибельные боги
Серия «Мистика для
интеллектуалов», книга 1

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17204462
Мультимедийное издательство Стрельбицкого;*

Аннотация

Кто не желает стать избранныком судьбы? Кто не мечтает о неуязвимости, успехе у женщин, феноменальной удачливости в игре? Кто не жаждет читать чужие мысли и обрести философский камень? Но иронией судьбы все это достается тому, кто не хочет этого, ибо, в отличие от многих, знает, кому и чем за это придётся заплатить. Винченцо Джустиниани, отпрыск графского рода, из-за распри с дядей вынужден долгие семь лет сам зарабатывать себе на хлеб. Мог ли он предположить, что, вернувшись в родной дом по зову умирающего, получит в наследство не только семейное состояние, но и гибельный дар колдуна? Навязанный дар тяготит и жжёт ему руки. Сможет ли он, истинный христианин, обратить дьявольскую силу во благо? Серия «Мистика для интеллектуалов» включает себя романы о дьяволе. Но не о том, киношном и шутовском, аллегории обаятельного зла, чей образ столь часто эксплуатируется сегодня, а о подлинной сущности Палача на службе Бога – умнейшего

искусителя, творца иллюзий и «адского фигляра». Не во всех романах серии он проступает в своем подлинном облике, но глаза человека духовного, безусловно, различат его следы в гибельных событиях и лживых фантомах самых разных эпох.

Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	7
Глава 1	7
Глава 2	20
Глава 3	36
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Ольга Михайлова

ГИБЕЛЬНЫЕ БОГИ

И вновь оно, блаженное томление духа, знакомый трепет в пальцах, ощущение лёгкости и восторга... Я снова обуян Им, Божественным Духом, носившимся в первые дни творения над безвидной и пустой землёй, вездесущим и всенаполняющим. Теперь он здесь, Дух Творения, его дыхание струится через меня, возносит и воодушевляет. Как некогда Предвечный творил миры Словом Своим, так ныне созидаю и я.

Но мне не дано творить миры, я создаю лишь новые вымыслы, чудесные иллюзии и диковинные фантасмагории.

Я – не Бог. Я – творец иллюзий.

Однако, куда же повести вас на этот раз? В современность? Ну, нет. В сером потоке пошлости, поглотившем изысканность, мало-помалу исчезло все утончённое. Век стандартных одежд, стандартных желаний и стандартных людей. Где филигранные стихи с оттенком эпикурейства, где художественное чутьё, где страстный культ красоты, где хотя бы презрение к предрассудкам и ненасытность в наслаждениях? Нет, здесь творцу делать нечего. Но, может, древние Помпеи? Или средневековый Париж?

Нет. Пойдём туда, куда изначально ведут все пути! В Рим, хранилище картин и статуй, город Августа и Нерона, город кардинальских вилл и ветхих монастырей, и застанем его в

век последней романтики, когда ещё существовали чудаки, склонные к изучению необычных наук, ценители старины, изощрённые циники и адепты черных искусств. Вернёмся туда, в век XIX...

Итак, 1856 год. Рим.

«Vota diis exaudita malignis»

«Желания боги услышали гибельные»

Варварская латынь

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава 1

Его сиятельство граф Винченцо Джустиниани

*Бог создал человека для нетления,
но завистью диавола вошла в мир смерть*
– Прем. 2, 23

Дождь лил за окнами сплошной стеной, потом по крыше и подоконникам застучали горошины градин. Молния на миг оплела небо ртутной паутиной, раскат грома сотряс виллу. Луиджи Молинари, камердинер его сиятельства Гвидо Джустиниани, кряхтя и держа ладонь на боку, где сильно кололо, торопливо спустился по парадной лестнице в холл, боясь пропустить долгожданный стук, хоть и не верил, что мессир Винченцо сумеет добраться сюда в такую грозу. Кто-то говорил, что он живёт в Вермичино, но в последний раз его видели в Трастевере. Но даже если он в Риме, верхом не поедет, а любой экипаж застрянет возле Понте Систо, где ремонтируют кладку. Разве что проедет через Палатинский мост, да только куда в такой град лошадей в объезд-то пускать?

Из графской спальни снова раздался душераздирающий крик. Луиджи судорожно вздохнул, чувствуя, как сводит зубы. Мимо торопливо пробежала экономка его сиятельства Доната Росси, неся камфару. Луиджи поморщился от её резкого запаха, опустил глаза и с трудом перевёл дыхание. Крик повторился вновь – утробный и жуткий, точно кричал пытаемый. Луиджи трясущейся рукой стёр со лба холодный пот. Господин умирал в страшных муках, ещё вчера на лице мессира Гвидо проступила печать чего-то нездешнего, потустороннего, и доктор Сильвано уверенно сказал, что ночи графу не пережить. Но нет, обошлось, хоть до утра кричал, как на дыбе. Приходил и падре Челестино, но, увы, господин даже исповедаться не смог, такие боли...

И то сказать, парализовало его сиятельство внезапно: неделю назад мессир Гвидо немного навеселе вернулся со званого ужина своего приятеля, графа Вирджилио Массерано, отослал слуг, и вдруг около двух пополудни из столовой слышался звон разбитой посуды. Луиджи с Донатой подоспели первыми и онемели от ужаса: мессир Джустиниани лежал, распластавшись в луже крови посреди комнаты. Был вызван доктор, и пока господина переносили в спальню, выяснилось, что на плитах – вино, видимо, его сиятельство выронил бутылку, да и поскользнулся на скользком полу. У всех отлегло от сердца, однако тут появился врач и по симптомам определил апоплексический удар. У графа отнялись ноги, перекосило лицо, пропала речь. Потом мессир Джусти-

ниани всё же смог с трудом пробормотать несколько слов, приказав послать за племянником Винченцо.

Не дело камердинера обсуждать господина. Луиджи и не обсуждал, однако его молчание не было одобрением. Нрав Гвидо Джустиниани имел резкий, гневливый и несдержанный, в церкви в последние годы не бывал даже на Рождество и Пасху, только и знал, что Бога гневить да творить непотребства, – и вот в последний день хватился. Да только разве разгребёшь в смертный час то, что наворотил за годы? Мессир жил так, словно считал себя бессмертным, а теперь вот воеет волком, и уже в который раз молит позвать Винченцо. Да только где же разыскать в огромном городе того, кому сам запретил переступить свой порог? И переступит ли молодой мессир Джустиниани через обиду?

Нельзя сказать, чтобы все забыли его сиятельство. И её светлость герцогиня Поланти, и баронесса Леркари, и граф Массерано по два раза на день посылают осведомляться о его здравии. И маркиз Чиньоло, и господин Пинелло-Лючиани ежедневно заезжают, иногда по три, а то и по пять карет у ворот стоят, да только не велено никого на порог пускать – его сиятельство твердит лишь о племяннике.

Доната снова появилась в прихожей.

– Не слышно?

Луиджи покачал головой. Экономка, обернувшись по сторонам, осторожно приблизилась.

– А ты молодого господина хорошо знаешь? – тихо спро-

сила Доната. – Какой он? А то мессир Гвидо его иначе, чем негодяем, не называл. Точно ль так? – было заметно, что экономка не очень-то доверяет суждениям своего господина: слишком большой скепсис проступал в тоне старухи.

Луиджи пожал плечами. Племянника графа сам он видел только однажды, лет семь назад, и почти не запомнил. От него в доме остались какие-то толстые словари и рукописи на непонятных языках, до сих пор пылящиеся на верхних полках графской библиотеки. Говорили, молодой господин вроде книги древние разбирать обучен. Причины же распри племянника с дядей Луиджи знал, тут уж, что и говорить, учудил старый мессир Гонтрано. Если бы не завещание деда...

Луиджи замер. Во дворе послышался стук копыт, ещё мгновение – и при новой вспышке молнии он разглядел в окне всадника. Неужто приехал? Камердинер кинулся к двери, торопливо отодвигая засовы, замешкался с замком и распахнул дверь в ту минуту, когда Винченцо Джустиниани оказался на пороге. Он вошёл, стряхивая на мрамор пола мелкие градины с плеч и оправляя влажные волосы. Луиджи поспешно закрыл дверь и в свете новой вспышки молнии разглядел вошедшего: бледное суровое лицо, очень широкие плечи, совсем простая рабочая одежда – тёмные штаны и холщовая рубашка. Винченцо скинул плащ, стряхнул его на пол, спокойно отдал Луиджи и бесстрастно спросил:

– Что случилось? Зачем его сиятельство посылал за мной?

– Неделю назад у господина был удар, – взволнованно заговорил Молинари. – Вас просто долго разыскать не могли, и в Вермичино посылали, и в Трастевере искали. Каждый час он спрашивает вас, очень ждёт. Доктор сказал, это конец. Пойдёмте скорей, не ровен час...

Прибывший, сохраняя молчание, взглянул на Луиджи. На лице его не проступило ни удивления, ни испуга, он лишь на мгновение прикрыл глаза, потом молча кивнул и пошёл к лестнице. Дом он знал – здесь вырос. Взглянув сбоку, Луиджи заметил твёрдый, как на медали, профиль и жёсткие линии рта, и подумал, что в сравнении с юными годами мессир Винченцо сильно изменился: при случайной встрече Молинари просто не узнал бы его.

Через минуту оба вошли в спальню, и первое, что заметил приезжий, были две зелёные точки на каминной доске. Экономка повернула фитиль керосиновой лампы, и в её тусклом свете стал различим большой, злобно ощерившийся чёрный кот с рысьими кисточками на ушах, издававший глухое шипение. Доната осторожно обошла кровать, пугливо оглянувшись на кота, и поставила лампу за пологом: свет раздражал графа. Больной, едва заметив приехавшего, захрипел, судорожным жестом полупарализованной руки потребовал от Донаты отодвинуть полог, потом впился воспалённым взглядом в племянника. Тот подошёл к недужному и сел на постель.

– Винченцо, ты... – граф едва выговаривал слова, они вы-

летали из горла со свистом. Сорокадевятилетний, он выглядел сейчас почти на семьдесят. — Я виноват. Гнев ослепил меня, но я... Джованна. Она моя крестница, дочь Габриеля. Не оставь её. Женись на ней, будь ей опорой, она так молода, береги её, — умирающий снова забил по постели рукой, на губах его выступила кровь, — дай мне слово... прости... не помни зла.

Винченцо кивнул.

— Я позабочусь о ней, — тон его был бесцветен и безучастен.

— Клянись Господом и Пресвятой Девой дель Розарио.

— Я позабочусь о ней, — невозмутимо повторил Винченцо с лёгким нажимом.

— Поклянись.

Молодой Джустиниани глубоко вздохнул, сдержанно кивнул и, встретившись с графом глазами, медленно, словно через силу, выговорил:

— Клянусь.

Разговор совсем истощил больного: лицо его побледнело, он хватал ртом воздух, кровь пузырилась на губах, но при этом умирающий, обессиленный и мертвенно бледный, судорожно тянул трепещущую ладонь племяннику, пытаясь подняться и опереться локтем о постель, однако то и дело соскальзывал на подушку.

— Дай... дай мне руку... возьми... — с непонятным упорством протягивал он бледную длань к Винченцо. Тот взял

сухую дрожащую ладонь больного, ощутив её предсмертный трепет, – возьми... – тут свист губ прервался, лицо умирающего перекосилось, нижняя челюсть вытянулась вперёд, рука его слабо стиснула руку племянника, тут же разжалась и чуть сдвинулась, цепляя ногтями одеяло, из горла вырвались ещё несколько судорожных, прерывистых вдохов. Доната кинулась было к больному, зовя доктора, но тут же поняла, что звать нужно уже не синьора Сильвано, а падре Челестино.

Винченцо встал, несколько минут стоял, не шевелясь. Таинство смерти заворожило его. Где сейчас этот человек, ставший уже духом? Витает где-то здесь, рядом, или уже унёсся в потусторонние обитатели смерти? Как пройдена им та граница, что таинственно отделяет бытие от небытия?

Тем временем чёрный кот плавно соскользнул с каминной полки и неторопливо подошёл к нему. Экономка быстро отступила.

– Осторожно, мессир, эта тварь царапается, – прошептала Доната, – как вцепится в ногу, не оторвёшь. По трое носков из-за него носить приходится. Чума просто.

Однако кот не был расположен царапаться. Он спокойно обошёл Винченцо и, неожиданно замурлыкав, потёрся мордочкой о его штанину. Шерсть кота улеглась и теперь в тусклом свете лампы отливала блестящим сиянием, обрисовывая контуры и изгибы грациозного животного. Джустиниани снова бросил взгляд на покойника, вздохнул и вышел из

комнаты.

Винченцо знал, что жизнь его родственника была далека от праведности. Стало быть, надо молиться сугубо. Когда по слабости или глупости люди забредают в блуд, сребролюбие, зависть, клевету или злобу, в мёртвом пространстве греха они превращаются в оборотней: любовники ревнуют друг друга к законным супругам, мать завидует молодости дочери, брат ненавидит брата, отец отказывает в необходимом собственным детям, а дядя выгоняет из дома сына брата своего. Прости же Господи этого, отошедшего к тебе, прости ему все согрешения его, вольные и невольные.

В холодном коридоре Джустиниани поёжился: мокрая рубашка неприятно липла к телу. Винченцо спустился по неосвещённой боковой лестнице вниз, оказался в облаке мясных запахов возле кухни и тут понял, что очень голоден. Во рту с утра не было ни крошки, голова кружилась. Он подумал, что можно поесть в той харчевне, огни которой мелькнули, когда он миновал квартал. Там можно будет заодно высушить плащ и рубашку.

– Не угодно ли господину графу сменить платье? Надо поскорей просушить вашу одежду, вы ведь совсем промокли, ваше сиятельство. Пожалуйста к огню. – Джустиниани ощутил прикосновение к плечу чьей-то руки, обернулся и увидел Луиджи. Камердинер Гвидо согнулся в вежливом поклоне и указывал на парадный зал. – Господину графу угодно ванну с дороги? Ужин?

Лицо Винченцо чуть напряглось. Смерть дяди была слишком внезапной, он ещё не осознал её до конца, ибо ничего не знал о его болезни. Но теперь до него дошло, что ему незачем ехать в харчевню. Это был уже *его дом*. Этот человек был *его слугой*. Он, Винченцо, мог просушить одежду прямо здесь, у *своего очага*. Отныне он – его сиятельство граф Винченцо Джустиниани.

Винченцо повернулся лицом к залу.

– Есть ли что из одежды?

– Конечно, господин граф, всё приготовлено, – Луиджи указал на парадную лестницу, – пойдёте скорее в ванную, вы же простудитесь. Ой, Господи, осторожней, Спазакамино может броситься.

Однако выскочивший из комнаты покойника, видимо, следом за Винченцо кот, которого, как выяснилось, звали Трубочистом, был настроен благодушно. Он, высоко задрав хвост, подрагивавший на кончике, направился впереди нового хозяина в ванную, не обращая никакого внимания на слова Луиджи, что это животное – кошмар всего дома.

В натопленной комнате с лепниной на потолке, у пылающего камина уже дымилась паром горячая ванна, белая пена с ароматом миндаля выступала за края. Кот запрыгнул на каминную полку и замер на ней египетской статуэткой богини Баст. Луиджи хлопотал возле Джустиниани, забрал промокшую верхнюю одежду, торопливо подал халат и огромную банную простыню. Винченцо не хотел снимать

при слуге белье и попросил принести вина, сказав, что он продрог. Камердинер тут же исчез. Винченцо разделся и опустил в воду, с блаженством ощутив аромат дорогого мыла. Тело расслабилось, захотелось спать, он ощутил, как сильно устал. Утром пришлось работать в доках, разгружать баржи с углём. Прибежавший с вином Луиджи протянул Винченцо поднос. Бокал рубинового вина искрился в каминном пламени.

Джустиниани понимал, что делает глупость, вино только заставит его разомлеть ещё больше, но с наслаждением выпил. Каждый глоток ласкал нёбо вкусом инжира и изюма, ароматом какого-то мистического благовония и кружил голову. Боже, как давно он не пил такого вина? Винченцо покорно отдал пустой бокал камердинеру и не заметил, что Луиджи уже намылил ему волосы кипрским мылом и теперь просил наклониться, чтобы смыть его. Вино расслабило, и Ченцо послушно склонил голову. Камердинер тёр его морской губкой, поливал из кувшина, потом заторопился – господину пора ужинать, он совсем засыпает. У Винченцо подлинно слипались глаза, есть уже не хотелось, он перестал стыдиться своей наготы, вино согрело кровь, а ванна совсем обессилила. Сорок миль за час, как там Рольфо, вяло подумал он о жеребце, но вспомнив, что привязал коня к полным яслям, успокоился. Старик вытер его, подал обувь и халат и спросил, как он привык одеваться к ужину? Винченцо поднял на него глаза. Одеваться к ужину? Последние годы он к

ужину не одевался, да и ужинать-то ему доводилось нечасто, но едва ли слуге нужно было знать об этом.

Винченцо пожал плечами. Голос его был всё так же спокоен и безучастен.

— У меня с собой ни фрака, ни рубашек, Луиджи. Я не заезжал к себе. Я хотел бы сегодня поест в спальне и поскорее лечь. Кстати, найдётся ли, что надеть на похороны? Не хочу ехать домой до отпевания.

Луиджи поспешно ответил, что прикажет принести в спальню господина ужин и посмотрит в гардеробе мессира Гвидо приличный тёмный фрак или сюртук, и снова исчез. Винченцо вышел из натопленной ванной. Теперь, когда одежда не липла к телу, прохлада коридора освежила, сон прошёл. Он вошёл в спальню, присел на кровать, заметив, что кот снова просочился следом.

Луиджи уже вносил дымящийся поднос, и Винченцо почувствовал волчий аппетит. Серебряные ножи, вилки, бокалы с тёмными вензелями и словами семейного девиза «Благородство и хладнокровие» почему-то смутили его. Впрочем, по его окаменевшему лицу никто не догадался бы об этом. Луиджи тем временем принёс уместно тёмный фрак, подобрал к нему подходящие брюки и жилет, положил рядом на выбор несколько шейных платков и наборов запонок. Винченцо с лёгким удивлением отметил его безупречный вкус.

Сам он, стараясь не выдать голод торопливостью, медлен-

но ел, запивая запечённую форель небольшими глотками белого вина, потом отведал телячий шницель по-тоскански и грибы с рикоттой. Неделю назад, на Пасху, у него был куда более скудный рацион. Наконец он, хоть и не чувствовал сытости, заставил себя оставить еду и поблагодарил Луиджи.

Слуга опять склонился перед ним в поклоне, с опаской косясь на кота, и попросил примерить фрак: господин Гвидо ни разу не надевал его, принесли только неделю назад от Рочетто. Винченцо примерил. Давили рукава, было узковато в плечах, но, в общем-то, фрак сидел прилично. Тем более — ничего другого у него всё равно не было.

Луиджи исчез, пожелав ему спокойной ночи. Задув свечу, Винченцо опустил голову на подушку, услышал, что Трубочист запрыгнул на постель, несколько минут крутился на одеяле, уминая его когтистыми лапками, потом свернулся на нём клубком. Джустиниани не стал прогонять его. Глаза его смежились, и он, пробормотав знакомую с детства молитву, уснул.

Ливень за окном давно смолк, небо очистилось и засияло звёздами. На кухне суежилась дворня, начали подготовку к похоронам, заносили провизию, относили ужин падре Челестино, а Луиджи Молинали отмахивался от досужих вопросов прислуги. Наглую челядь интересовало, суров ли новый господин, похож ли на мессира Гвидо? Молод ли? Красив?

Луиджи покачал головой. Ох, уж эти бабы, всё одно на уме. Он не знал, что и ответить. Молодой господин был, бес-

спорно, нелюдимым, неразговорчивым, видимо, высокомерным. Лицо статуи, ни один мускул не дёрнется. Красив ли? Ну, чёрт его знает, что эти бабы красотой-то называют, но сложен как гонфалоньер. Впрочем, чего и удивляться, в роду Джустиниани хилых да золотушных никогда не было. И все же такого гераклова торса он ни у кого в семействе не помнил: мышцы молодого Джустиниани были каменными.

При этом сугубой загадкой для синьора Молиари было поведение чёртовой твари, кота Трубочиста, которого домашние иначе, чем *gatto maledetto*, *notturmo incubo* и *diavolo*, не называли. Кот раздирал кухаркам подола платьев и гадил в кастрюли и котлы, мочился на персидские ковры, обожал разбивать вазы и качаться на портьерах, обрушивая багеты, гонял по двору собак и орал по ночам на крыше, – и это было лишь малой частью его дьявольских забав. И вот... мурлычет, как котёнок, трётся о ноги нового господина и ни разу не оцарапал его.

Чудеса.

Глава 2

День похорон. Первые странности

*Отходит человек в вечный дом свой, и готовы
окружить его по улице плакальщицы.
– Еккл, 12, 5*

Винченцо проснулся на рассвете и сначала ничего не понимал. Где он? Откуда эта роскошь портьер и тяжёлого балдахина, тепло камина и прохладная свежесть льняных простынь? Ах, да... Вчера умер дядя Гвидо.

Причиной давнего конфликта дяди и племянника было завещание деда, графа Гонтрано. Старик, умирая, распорядился диковинно: его старший сын, Гвидо Джустиниани, получил только право пожизненного пользования доходами с семейного капитала, но не имел права распоряжаться самим состоянием семьи, которое после его смерти должно было перейти Винченцо Джустиниани, единственному внуку графа Гонтрано от его покойного младшего сына Чезаре.

Завещание изумило Винченцо и взбесило Гвидо, для него оно выглядело злой насмешкой и оплеухой. У них были нелады с отцом из-за вечного мотовства и бесконечных кутежей сына, но Гвидо и в голову не приходило, что отец может распорядиться подобным образом. Воля отца озлобила его и испортила отношения с сиротой-племянником, которого он

до того едва замечал. Что же, пусть щенок унаследует всё, но только после его смерти, а умирать он не собирается! Гвидо Джустиниани запретил племяннику появляться в доме.

Семь лет Винченцо бедствовал, перебиваясь случайными заработками. С юности он отличался способностями к языкам и интересом к палеографии, окончил университет, но это, увы, не кормило, хотя иногда бывали заказы и на переводы. В итоге побираться не пришлось, но кем только не работал: репетиторствовал в Вермичино, подрабатывал на ипподроме, хоть для жокея был слишком тяжёл, преподавал в школе фехтования и танцев, не брезговал даже рытьём могил и разгрузкой барж с углём.

И вот теперь всё менялось. Однако при мысли об этом Винченцо ощутил не радость, а какое-то вялое сожаление. Почему судьба дарует нам желаемое тогда, когда мы уже научились без него обходиться? Последние семь лет, окунувшие его в грязь, что и говорить, не прошли даром. За это время он растерял всех своих великосветских друзей: от него отвернулись не только отпрыски знатных семей, но и бывшие приятели университетских лет, оставила его и невеста, испугавшись нищеты. Зато годы скудости породили в Джустиниани умение довольствоваться тем, что есть, и не страдать о несбыточном. Он узнал цену светской дружбе и любви, поумнел и из двадцатитрехлетнего пылкого светского щеголя превратился в тридцатилетнего нелюдимого мужчину, безучастного и хладнокровного. Окаменело лицо, застыла и ду-

ша.

* * *

Дом просыпался в преддверии нового невесёлого дня. Вскоре появились душеприказчик и юрист, формальности были быстро улажены. Похороны поглотили день, графа знал весь свет, однако отдать ему последний долг пришли немногие. На погосте в толпе провожающих покойного было не больше двадцати человек. Объяснили это тем, что сезон уже закончился, и в Риме почти никого не было.

В числе всё же пришедших на траурную церемонию были ближайшие друзья его сиятельства. Особо выделялся Теобальдо Канозио – похожий на восковой манекен живой призрак, восьмидесятилетний лысый старик с пергаментным мёртвым лицом и золотым моноклем в левом глазу. У самого гроба теснились пожилые светские львицы Гизелла Поланти и её подруга Мария Леркари, известные сплетницы. Баронесса Леркари лисьим лицом, рыжими волосами и сильно напмаженным кармином ртом напоминала рождественское пирожное с апельсиновыми марципанами, случайно политое малиновым вареньем, при этом была худа фонарный столб. Герцогиня же Поланти просто походила на толстую старую ведьму, хоть знавшие её в молодости клялись, что когда-то она была редкой красавицей. Джустиниани был добрым католиком, но в эти клятвы он поверить не мог. Просто не по-

лучалось.

Тут же были и старые друзья графа Гвидо. Маркиз Марио ди Чиньоло, известный медиум, изящными бакенбардами и шапкой курчавых волос напоминал известного политика Карло Ботту, а граф Вирджилио Массерано имел выразительный профиль Наполеона и просвечивающую плешь на макушке. С ним рядом стояли его племянница Елена Бруни и её подруги – Катерина Одескальки и Джованна Каэтани, крестница покойного.

Винченцо бросил взгляд на девиц, глядеть на которых было куда приятнее, чем на старух. Стройная Елена с греческим профилем античных гемм была хороша собой, Катерина с очаровательными ямочками на щеках и чуть вздёрнутым носиком заставляла улыбаться каждого, кто встречал взгляд её живых карих глаз. Джованна Каэтани, хоть и не отличалась красотой Елены и не была мила, как Катарина, невольно перетягивала взгляд на себя. Странны были очертания скул, удивляла высота лба, необычными были и волосы: густые пряди каштановых волос на свету отливали краснотой зрелых вишен. Никто, кроме неё, не выражал скорби, девица же была подлинно расстроена, несколько раз вытирала платком заплаканные, сильно покрасневшие глаза.

Все отметили, что племянник покойного прекрасно держится – величаво и скромно. Джустиниани действительно стоял, запрокинув голову и расправив плечи. На самом деле Винченцо боялся, как бы от его неверного или резкого дви-

жения не разошлись швы на спине чужого узкого фрака. Но всеми остальными его поза была принята за скорбное достоинство.

Энрико Бьянко и Оттавиано Берризи, молодые светские львы, давно переставшие здороваться с Винченцо и узнавать при случайных встречах, теперь подошли к нему с соболезнованиями. Университетский друг Умберто Убальдини, когда-то отказавший ему в ночлеге, и известный мужеложник Рафаэлло ди Рокальмута, напротив, предложивший ему тогда же свой дом в обмен на постельные услуги, тоже любезно раскланялись с ним. Винченцо невозмутимо поклонился в ответ, да и подлинно остался невозмутим. Эти люди казались покойниками, оставшимися где-то там, в глупых днях юности, когда его могли волновать слова и взгляды, когда кровь ещё будоражили чувства.

Ближе к концу погребения появился банкир Карло Тентуччи. Он был одним из тех немногих в Риме людей, кто в самое тяжкое время не дал Винченцо сдохнуть с голода, открыл кредит и помогал деньгами. Что же, затраты окупались. Он с лихвой вернул потраченное и заполучил солидного клиента. Винченцо не называл Карло другом: по его мнению, финансист был просто умным и расчётливым человеком, понимавшим, что не стоит портить отношения с тем, которому предстояло, пусть и через четверть века, унаследовать крупное состояние. То, что Карло не пришлось так долго ждать, было в понимании Винченцо просто везени-

ем банкира. Впрочем, более близкое знакомство с Тентуччи несколько удивило Джустиниани: тот знал толк во многих вещах, от старых вин до антиквариата и, к удивлению Ченцо, не был помешан на деньгах.

Винченцо хотел было подойти к Карло, но тут у ограды соседнего склепа неожиданно заметил пьянчужку Филиппо, по прозвищу Фляжка, забулдыгу-могильщика, чьи философские пассажи в подпитии стоили мудрости его шекспировского собрата. Как-то в катакомбах они ночь напролёт пили и цитировали Данте. Сегодня пьянчуга основательно набрался с самого утра, и, конечно же, не узнал в бледном лощёном господине своего бывшего собутыльника. Винченцо вздохнул. Он словно оказался между двумя мирами – но ни в одном из них не чувствовал себя своим.

А вот его несостоявшийся родственник Паоло ди Салиньяно. Он тоже был здесь. Здесь была и Глория ди Салиньяно, ныне донна Монтекорато, его бывшая невеста. В принципе, она вполне разумно предпочла ему богача Пьетро Монтекорато и провела лучшие дни юности в роскоши. Винченцо поднял глаза на Глорию. Ей, как и ему, шёл тридцать первый год. Она давно утратила грацию юности и девичью свежесть, но на смену им не пришли ни томность женственности, ни величавость зрелости. Её лицо расплылось, утратив красоту скульптурных очертаний, второй подбородок тоже не красил. Что он мог находить в ней, спросил себя Винченцо, переводя задумчивый взгляд на белые цветы, коим пред-

стояло окончить своё короткое бытие в гробовой яме.

Церемониал погребения был выдержан безупречно. Маркиз Марио ди Чиньоло, друг почившего, произнёс несколько прочувствованных слов о покойном, и Винченцо подумал, что, судя по надгробным речам и некрологам, подлецы бессмертны. Умирают, видимо, только самые достойные граждане, люди истинной добродетели, одним из которых был старший брат его отца.

Когда служители кладбища обложили холм цветами, Джустиниани, отойдя от могилы, ненароком услышал разговор Джованны Каэтани с банкиром Тентуччи. Тот спрашивал, получил ли её дядя согласие мессира Винченцо на брак с ней? Девица отшатнулась и окинула Тентуччи изумлённым взглядом. Винченцо заметил, что глаза девицы зелёные, точнее, цвета листьев папоротника с коричневой поволокой, а по выражению лица понял, что мысль о браке с ним ей неприятна.

Разговоры же в толпе, иногда доносившиеся до него, звучали полной абракадаброй. «Так они встретились?» – «Подождем, все проступит» – «А это правда, что Альдобрандини решил продать библиотеку?» – «Так что с девицей-то?» – «Конечно, на что книги слепцу?» – «Никто не может ничего понять, помешалась, бормочет вздор...» – «Точно ли он – наследник? Они виделись?» – «Может, просто перепугалась? Бывает, собака из подворотни выскочит, или ещё чего...» – «И сколько он за неё хочет?» – «Кто его знает, может

и просто умом тронулась, род-то старинный, сами понимаете...» — «Это нужно узнать немедленно» — «Не мелите вздор! Рокальмута отнюдь не ровесники Нерона, чего там старинного-то?» — «Сорок тысяч» — «Так он унаследовал?» — «Ничего себе сумма, старик, похоже, не только ослеп, но и умом тронулся, как Франческа...» — «Конечно, унаследовал, — как бы иначе мы его похоронили?»

Джустиниани это докучное жужжание, в котором он почти ничего не понимал, раздражало, однако имя Марко Альдобрандини он выделил сразу. Старый библиофил славился своей коллекцией книг и рукописей уже годы. Неужели старик продаёт библиотеку? Сорок лет неустанного собирательства. Правда ли, что он ослеп?

Размышляя об этом, Винченцо несколько раз ловил на себе странные взгляды тех, кто, казалось бы, не имел никакой нужды его разглядывать. Старик Канозио не сводил с него моногля, не обращая никакого внимания на гроб и церемонию, её светлость герцогиня Поланти тоже пожирала его глазами, её милость баронесса Леркари смотрела на него с испугом и подобострастием. Маркиз ди Чиньоло то и дело окидывал его взглядом, исполненным недоумения и страха. Не спускал с него глаз и Вирджилио Массерано. Джустиниани ничего не понимал. Ещё меньше он понял, когда Массерано полушёпотом обратился к нему, спросив, застал ли он перед смертью мессира Гвидо в живых? Винченцо кивнул и снова поймал на себе взгляд Вирджилио, быстрый и, как ему по-

казалось, печальный.

Зато с явной и не тайной неприязнью смотрел на него невысокий бледный и худой человек лет пятидесяти с экзотическими глазами навывкате. Он был в скромном синем сюртуке, но из воротника белой рубашки наружу выступал шёлковый шарф излишне яркой, неуместной на похоронах расцветки. А с другой стороны ограды, где теснились кладбищенские служители, светловолосый молодой человек с птичьим носом и тонкими губами, в очках с золотой оправой, тоже почему-то оглядывал Джустиниани с настороженностью и тоской. Винченцо не знал этих людей и вскоре потерял обоих из виду.

После похорон Джустиниани удостоился сразу пяти приглашений: на крестины правнука Теобальдо Канозио, на званый обед к графу Массерано, на два ужина – к баронессе Леркари и к маркизу Марио Чиньоло и на вечер её светлости Гизелле Поланти. Винченцо удивился. Всем было известно, что он унаследовал свыше восьмисот тысяч, но приглашали его люди куда как не бедные. Что им в нём? У Чиньоло, он слышал стороной, дочь на выданье, у Массерано – племянница Елена, но остальные-то чего хлопочут? Между тем, герцогиня Поланти проронила на прощание, что обидится, если он не придёт, а баронесса Леркари наивно спросила, где он был в последние годы? Путешествовал?

Винченцо невозмутимо кивнул. Да, он странствовал. Около него прошла его несостоявшаяся супруга Глория Мон-

текорато, ожидая, что он, может быть, окликнет её. Он не окликнул, но пригласил к себе на ужин банкира Карло Тентуччи и заметил, что это было воспринято всеми с пониманием и одобрением.

* * *

– О, мой Бог, *diavolo*, – пробормотал Тентуччи на пороге столовой. Возглас его относился к Спазакамино, наглому коту, чей нрав был прекрасно знаком банкиру. Однажды чёртова тварь порвала ему брюки и несколько раз вдрызг расцарапывала лаковые ботинки. Он испуганно отпрянул к стене.

Джустиниани, который, к удивлению банкира, вышел к столу в вязаном свитере, удивлённо поинтересовался:

– О, вы знаете котика? Его зовут Трубочистом.

– Это челядь его так окрестила, – уточнил Тентуччи, осторожно усаживаясь за стол и с опаской косясь на кота, – а мессир Гвидо звал его Бельтрамо Беневентинским. Ужасное животное.

– Бог мой, – усмехнулся Джустиниани, – Бельтрамо... подумать только. Нет уж, пусть остаётся Трубочистом. Но, по моему, он очень мил, – и Винченцо погладил кота, тут же замурлыкавшего и изогнувшего спинку, и выглядевшего, надо признать, и впрямь весьма мило.

Да, сегодня, как и накануне, Трубочист был настроен идиллически. Он снова нежно потёрся о брюки господина,

потом развалился на оттоманке возле окна брюшком кверху, помахивая пушистым хвостом, и даже ухом не повёл при виде банкира. Тентуччи удивился, но ужин прошёл спокойно. Расположившись после у камина, мужчины некоторое время сидели молча. Финансист курил и временами поглядывал на Джустиниани: он ждал первого вопроса.

Вопрос оказался неожиданным. Граф задумчиво пророчил:

– Из разговора герцогини Поланти с баронессой Леркари я понял, что Марко Альдобрандини продаёт свою библиотеку. Говорят, там первопечатные древние издания и редкие манускрипты двенадцатого века, инкунабула Монстрелле, индульгенция папы Николая V, Бенедиктинская псалтирь и Католикон Иоганна Бальба, «Арифметика» Луки Пачолли венецианского издания тысяча четыреста девяносто четвёртого года, фолио Шекспира и редчайшее первое издание первого тома «Басен» Лафонтена тысяча шестьсот шестьдесят восьмого года. Точно ли так? Он хочет за неё сорок тысяч?

Банкир улыбнулся и кивнул.

– Я видел её год назад. Он потратил целую жизнь на это собрание раритетов, и вот – ослеп. Мне в этом видится кара Господня.

– Да, немного мистично, – бесстрастно заметил Винченцо, – но я не слеп и люблю читать. Он будет продавать через аукцион? Может, поговорите с ним напрямую?

Банкир снова кивнул. Джустиниани задал новый вопрос.

– У кого вы шьёте, Карло?

Тентуччи изумился.

– У Энрико Росси, его ателье на площади Трилусса. Шьёт хорошо и быстро, я доволен.

Джустиниани снова кивнул. Незамедлительно последовал новый вопрос.

– Какое приданое у Катерины Одескальки?

Теперь Карло Тентуччи бросил на него быстрый взгляд. Брови его взлетели.

– О... Ваше сердце пленилось красавицей? – он, казалось, удивился.

– Моё сердце ничем не пленилось. – Тон его сиятельства был всё так же безучастен. – Мне нужно выделить приданое крестнице дяди, я обещал позаботиться о ней. Я дам за ней столько же, сколько дают за Одескальки. Надеюсь, этого будет довольно?

Банкир исподлобья бросил взгляд на Джустиниани. Мерцающий и тёмный.

– Ваши слуги болтали, что покойник заручился вашим обещанием жениться на Джованне, да и Гвидо, как только его парализовало, говорил со мной о такой возможности. Он очень желал этого брака.

Винченцо наклонил голову набок и саркастично осведомился:

– Вы полагаете, дядюшка Гвидо совратил девицу и понимал, что без скандала ей замуж не выйти?

Карло Тентуччи откинулся в кресле, понимающе усмехнулся, но покачал головой, опровергая это суждение.

– Зная вашего дядюшку, – после недолгого молчания заговорил он, – я ничему не удивился бы, но, судя по моим наблюдениям, этого не было. В самом последнем негодяе всегда можно найти что-то человеческое. Габриель Каэтани, – Карло задумчиво выпустил изо рта колечко сигарного дыма, – если Гвидо мог иметь друга – им и был Габриель. После его смерти Гвидо привязался к девчонке как к дочери. Один раз я сам спросил его, не конкубина ли она ему, так он взбесился, клянусь вам. А ведь покойник любил прихвастнуть победами и ничью репутацию никогда не щадил.

Винченцо наклонился к собеседнику, и губы его тронула чуть заметная усмешка. Карло знал, что на этом лице подобная мимика была равнозначна хохоту.

– Тогда зачем же мне на ней жениться?

Карло пожал плечами.

– О вас ходят дурные слухи, но кому, как не Гвидо, было знать, чего они стоили: он сам же их и распускал. Когда же речь зашла о том, что ему дорого, он мог сообразить, что лучшей опоры девчонке не найти. Гвидо не любил вас, Винченцо, но, в известной мере, отдавал вам должное. Любой подлец, не различающий добра и зла, когда речь заходит о значимом для него самого, начинает всё понимать правильно.

Винченцо почесал согнутым пальцем переносицу.

– Я дал слово человеку, который по отношению ко мне не соблюдал элементарной порядочности, однако уподобляться ему не хочу. Девушка недурна собой и, если честна, легко найдёт жениха. А чтобы её красота была вдвойне привлекательна – я дам приданое. Что я ещё могу сделать? – он махнул рукой, – будет об этом.

– Извините, Винченцо, но... – банкир смущённо умолк.

– Что «но»? – Глаза Джустиниани насмешливо блеснули. – Если вас интересует, не склонен ли я к тем же забавам, что Рокальмудо, отвечаю сразу – нет.

Тентуччи виновато улыбнулся, сделав вид, что имел в виду совсем другое.

– Я просто хотел спросить, почему бы вам и в самом деле не жениться?

– Я подумаю об этом на досуге и, возможно, соглашусь с вами, Карло. Но выберу невесту среди тех, кто не морщится, глядя на меня. Принуждать к браку – баранья глупость: вы ведь рискуете рогами. Но все это меня сегодня не волнует. Есть дела поважнее. – Джустиниани бросил тёмный взгляд на Тентуччи. – Не забудьте же поговорить с Альдобрандини. Я не хочу упустить эту покупку, но попытайтесь сбить цену. При этом я хотел бы вначале обязательно посмотреть коллекцию, договоритесь со стариком – и дайте мне знать. Я не собираюсь покупать кота в мешке. Кстати, – почему-то вспомнил он, – забыл спросить. Я видел на кладбище... мужчина лет пятидесяти в синем сюртуке и странном шарфе пер-

сикового цвета, резкий профиль, брови изломаны, глаза чуть нависают, седина на висках. Кто это?

Банкир с трудом подавил улыбку.

– Андреа Пинелло-Лючиани. Старая знать. Финансовые дела в полном порядке. Поговаривают о его странных посылках, говорят, близкий друг мессира Рокальмута. Ненавидел вашего дядюшку. Не удивлюсь, если пришёл просто затем, чтобы посмотреть, как врага опускают в могилу.

– Ясно. А белокурый юнец лет двадцати трёх в золотых очках, похож на птенца грифа...

– Элизео, – усмехнулся Тентуччи описанию. – Племянник маркиза ди Чиньоло. Когда-то был без ума от вашего дядюшки, но потом... что-то произошло. А что вам до них?

– Ничего. Просто оба странно на меня смотрели.

Банкир сам тоже напоследок окинул Винченцо Джустиниани задумчивым взглядом. Последние семь лет он невольно замечал, как неуклонно тяжелеет его взгляд, как застывает в мраморной неподвижности лицо и суровеет нрав. Сегодня он не решился бы ни спорить с этим человеком, ни бросить ему вызов. Нет, Тентуччи не боялся Джустиниани, точнее, не боялся, как боятся разъярённых коней, бешеных собак или выстрела из-за угла. Винченцо Джустиниани был неуправляем, как горные уступы, подпирающие небеса, как воды морской лагуны, колеблемые лишь ветром, как луна на чёрном небосклоне, коей нет дела до этого мира.

Но напоследок Тентуччи задал ещё один вопрос.

– Винченцо, вчера вы были нищим и едва сводили концы с концами. Сегодня вы богач.

– И что?

– Вы... рады этому?

Джустиниани пожал плечами.

– Сытость, несомненно, лучше голода, и в своей постели куда уютнее, чем в гостиничной.

– И всё?

– А что ещё?

Банкир опустил глаза и кивнул.

Кот Трубочист по-прежнему лежал, вальяжно развалившись на оттоманке. Несколько раз он поднимался, меланхолично почёсывал задней лапкой за чёрным ушком и со вкусом зевал. Банкир, первое время настороженно оглядывавшийся на него, к концу беседы совсем забыл о нём, и вспомнил лишь тогда, когда Спазакамино снова запрыгнул на колени Джустиниани и нежно замурлыкал. Банкир оторопел: Винченцо ласково улыбнулся коту и гладил его, а кот, нежно урча, снова и снова совал голову под ладонь хозяина.

Глава 3

Толки и сплетни в толпе

*Обуздывающий язык будет жить мирно, и
ненавидящий болтливость уменьшит зло.*
– Сир. 19.6

Между тем, в расходившейся после похорон толпе не стихали шепотки и разговоры. За семь лет отсутствия в свете молодого Джустиниани успели подзабыть, и сейчас появление Винченцо в роли богатейшего наследника и, соответственно, завидного холостяка, смутило умы многих женщин. До того ходили слухи, что молодой человек несдержан, склонен к блуду и азартным играм, но сейчас об этом никто не вспоминал.

Для Глории Монтекорато эта встреча была болезненной – и для сердца, и для самолюбия. Она не была сильно влюблена в Винченцо Джустиниани и, когда тот оказался без единого сольдо, хладнокровно объяснила ему, что не хочет лучшие годы жизни прожить в скудости. И ей показалось, он согласился с ней. Разве что побледнел, но тут же кивнул и сказал, что понимает её. Брак с Пьетро Монтекорато дал ей положение в обществе и обеспеченность. Она была если и не счастлива, то довольна. Что же произошло сейчас? Конечно, никто не мог даже предположить, что Гвидо Джустиниани

умрёт столь безвременно, и семь лет спустя Винченцо станет богачом, в сравнении с которым Пьетро будет выглядеть разве что купчиком. Глории показалось, что она продешевила. Но это было не самым главным.

Джустиниани изменился. Утончённый юноша-аристократ неожиданно приобрёл почти осязаемую мощь, стал мужчиной. Глория не могла не ощутить исходящих от него силы и воли, и вскоре поняла, что он волнует её. Она тщетно приглядывалась к Ченцо, ища на его лице следы бывшего чувства: их не было. Она льстила себя надеждой, что он просто не хочет показать, как взволнован, и старается выглядеть безучастным. Глория прекрасно знала, что едва ли Винченцо мог испытывать скорбь от смерти Гвидо, и положила себе постараться во время встреч в свете понять его истинные чувства. При этом, невольно сравнив Пьетро Монтекорато с Винченцо Джустиниани, окончательно уяснила для себя то, что раньше лишь смутно подозревала: она никогда не любила Пьетро. Сейчас, уходя с кладбища, она с тайным отвращением разглядывала мужа, его толстый живот, второй подбородок и лоснящееся потное лицо, невольно сравнивая их с чеканной красотой Винченцо Джустиниани.

Энрико Бьянко тоже смотрел на Джустиниани с интересом. Ведь ещё совсем, кажется, недавно, щенок был просто убит изменой невесты и полночи выл у окна в таверне Риччи. Но теперь изменился. Энрико не заметил, чтобы Ченцо особенно смотрел по сторонам. На свою Глорию и не глянул.

Подлинно ли равнодушен? По лицу ничего не прочтёшь, но, похоже, не лжёт. Да и зачем ему теперь тридцатилетняя Глория, когда вокруг полно восемнадцатилетних девочек, свеженьких, как розанчики? Бьянко подумал, что Джустиниани вполне может увлечься его Джулианой – сестрица собой во-все недурна. Пристроить так сестру было бы недурно. Карло Тентуччи, правда, говорил, что покойник хотел, чтобы Винченцо женился на его крестнице, Джованне, но желание покойников живым не указ. Восемьсот тысяч, подумать только! Сейчас Энрико сожалел, что когда-то указал Винченцо на дверь, однако кто бы мог предположить, что Гвидо не дотянет и до пятидесяти?

Умберто Убальдини и Оттавиано Берризи, возвращаясь домой, то и дело досадливо переглядывались. Удача, которая привалила их бывшему дружку, бесила. Чёрт возьми! У Винченцо было мало шансов получить наследство раньше, чем лет через двадцать, но вот, шар непредсказуемо завертелся у борта и влетел в лузу. Появление этого человека было неприятным и неожиданным, как материализация призрака. К тому же, дурацкие сплетни старух упорно приписывали ему не только получение баснословных денег, но и всего остального... Впрочем, об этом и думать не хотелось.

Что до Рафаэлло ди Рокальмута, чья голова была привычно затуманена вчерашним вечером у любовника и инъекцией кокаина, то он искренне сожалел, что Джустиниани никогда не прельщали мужские забавы в термах Каракаллы, –

этот мужчина всегда нравился ему.

* * *

Гизелла Поланти и Мария Леркари возвращались домой в карете маркиза Марио ди Чиньоло. Немного поговорили о церемонии, похвалили гроб и венки. Покойник выглядел прекрасно, что за мастера в мертвецких? Художники, ей-богу, просто художники.

– Молодой Джустиниани держался великолепно, – маркиз методично полировал ногти и не глядел на собеседниц, – он застал своего дядю... живым?

Гизелла Поланти и Мария Леркари быстро переглянулись, и баронесса кивнула.

– Вирджилио спрашивал его об этом, он сказал – да.

– Друзей он встретил, – маркиз прищурился, – весьма любезно. Странно.

На это, двусмысленно улыбнувшись, ответила донна Гизелла, занимавшая в карете ровно столько места, сколько сидевшие напротив неё маркиз с баронессой.

– Возможно, это только поза, и он отыграется. Если же подлинно всё простил – его стоит беатифицировать.

Чиньоло кивнул и продолжил полировку ногтей.

– Все проступит, подождите, – проскрипела, как несмазанная телега, донна Леркари. – Хоть я думала, Марио, что наследником будет ваш Элизео. Они как-то сблизились с

Гвидо.

– Давайте сменим тему, – резко прерывая разговор, прошипела герцогиня Поланти, бросив на подругу выразительный взгляд.

Все умолкли, однако скоро беседа возобновилась, правда, уже в ином направлении.

– Вас не удивило, как смотрела на молодого Джустиниани Глория Монтекорато? – брови Марии Леркари взлетели на середину лба, а лицо вытянулось и снова приобрело лисье выражение. В её голосе проступил мёд, правда, основательно разбавленный желчью.

– Да, девочка поняла, что продешевила, – цинично обронила Гизелла, усмехаясь и обращая к подруге ехидный взгляд. – Но тут уж ничего не поделаешь. Коль поставила не на ту лошадь – второго заезда не будет.

– Правда ли, что Джустиниани собирается жениться на дочке Габриеля? – маркиз, не глядя на подруг, заложил пилочку для ногтей в несессер, – об этом судачили в толпе.

Герцогиня невысоко оценила подобную болтовню.

– Зачем ему Джованна Каэтани, за которой ничего? Кстати, сколько вы даёте за дочь, Марио? Пятьдесят?

Маркиз кивнул, но лицо его омрачилось. Его дочурка Розамунда, увы, не отличалась красотой, и Марио не надеялся, что Джустиниани клонет на приданое. Теперь он и сам куда как не нищий. Дочь было подлинным крестом маркиза: ей было уже двадцать восемь, и она не только не привлекала

мужчин внешностью, но и отталкивала назойливой докучностью.

– Сейчас начнётся, – предрекла Мария Леркари и едва не облизнулась, – весенний гон невест. У Бьянко сестра на выданье, хоть кто её возьмёт, один чёрт знает, Вирджилио надо пристроить племянницу Елену, замуж пора Катарине Одескальки и Джованне Каэтани, да добавьте вашу дочь, Марио, да Марию Убальдини. Мне вообще-то казалось, на Елене Бруни женится Убальдини. Да не срослось...

Глаза герцогини Поланти сверкнули.

– Марии Убальдини замуж не выйти вообще, помяните моё слово, – уродливое лицо герцогини исказилось в рыльце готической горгульи. – Что до Елены... Девушка не дура, – проронила она, – думаю, она слышала и о его проигрышах, и о прошлогоднем жульничестве на бегах. К тому же – прекрасно знает, что у Убальдини роман с её тёткой Ипполитой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.